

Научная статья

УДК 82-31

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.3>

Архетип Дома в эпосе В.В. Михальского «Весна в Карфагене»

Марина Анатольевна Кулабухова¹, Виктор Павлович Римский²,
Дмитрий Анатольевич Кулабухов³

^{1,2}Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

¹kulabukhova-bgiki@yandex.ru

²rimskiy@bsu.edu.ru

³Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, kulabukhov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлены ценностные основания эпоса Вацлава Михальского «Весна в Карфагене» (2001–2011), в основе которой – история расколотой социально-историческими потрясениями XX века семьи Мерзловских, являющейся символом самой России и Русского мира в XX – начале XXI века. Обращение к являющимся «ядром» традиционной ценностной парадигмы инвариантам архетипа Дома, представленным в цикле романов, позволяет указать на ценностные основания знакового произведения отечественной литературы, объяснить роль Дома в многострадальных человеческих судьбах и истории России, понять истоки подлинного патриотизма и своеобразие русского культурного кода. Дом-семья – один из ключевых инвариантов архетипа Дома в эпосе, воплощённый в образах членов семьи Мерзловских, поддерживающий Дом-храм, Дом-Корабль, Дом-город, Дом-культуру, Дом-родину (Дом-Россию). В образе Дома-семьи навсегда соединяются судьбы людей, история семьи, история народа и государства, память личная и историческая, культура и искусство, бытовое и бытийное, духовное и материальное, духовные идеалы и национальная воля, достоинства и достижения Отечества. Именно семья, священный союз любви, веры и свободы в любую из эпох остаётся благодатным, спасительным островом духовной жизни, радости и счастья.

Ключевые слова: В. Михальский, эпос «Весна в Карфагене», ценностные основания, архетип Дома, Дом-семья, Дом-корабль, Дом-город, Дом-культура, язык, литература, книги, музыка, пение, Дом-храм, Дом-родина, патриотизм, русский культурный код

Для цитирования: Кулабухова М.А., Римский В.П., Кулабухов Д.А. Архетип Дома в эпосе В.В. Михальского «Весна в Карфагене» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. С. 28–34. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.3>.

Original article

The archetype of the House in V.V. Mikhalsky's epic "Spring in Carthage"

Marina A. Kulabukhova¹, Victor P. Rimsky², Dmitry A. Kulabukhov³

^{1,2}Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russia

¹kulabukhova-bgiki@yandex.ru

²rimskiy@bsu.edu.ru

³Belgorod State University, Belgorod, Russia, kulabukhov@bsu.edu.ru

Abstract. The authors present the value foundations of the epic of Vaclav Michalsky "Spring in Carthage" (2001–2011), based on the history of the Merzlovsky family split by the socio-historical upheavals of the XX century, which is a symbol of Russia itself and the Russian world in the XX – early XXI century. The appeal to the invariants of the archetype of the House, which are the "core" of the traditional value paradigm, presented in the cycle of novels, allows us to point out the value foundations of a landmark work of Russian literature, explain the role of the House in the long-suffering human destinies and history of Russia, understand the origins of genuine patriotism and the originality of the Russian cultural code. House-family is one of the key invariants of the archetype of the House in the epic of V.V. Mikhalsky's "Spring in Carthage", embodied in the images of members of the Merzlovsky family, supporting the House-temple, House-Ship, House-city, House-culture, House-homeland (House-Russia). The destinies of people, the history of the family, the history of the people and the state, personal and historical memory, culture and art, everyday and existential, spiritual and material, spiritual ideals and national will, the dignity and achievements of the Fatherland are forever united in the image of the House-family. It is the family, the sacred union of love, faith and freedom that in any epoch remains a gracious, saving island of spiritual life, joy and happiness.

Keywords: V. Mikhalsky, the epic "Spring in Carthage", value foundations, archetype of the House, House-family, House-ship, House-city, House-culture, language, literature, books, music, singing, House-temple, House-homeland, patriotism, Russian cultural code

For citation: Kulabukhova, M.A., Rimsky, V.P., Kulabukhov, D.A. (2022) The archetype of the House in V.V. Mikhalsky's epic "Spring in Carthage". *Society: Philosophy, History, Culture*. (4), 28–34. Available from: doi:10.24158/fik.2022.4.3 (In Russian).

Знаковым событием в отечественной литературе и культуре начала XXI века стал роман-эпопея Вацлава Вацлавовича Михальского «Весна в Карфагене» в шести книгах. События, представленные в книгах «Весна в Карфагене» (Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства, 2002), «Одинокому везде пустыня», «Для радости нужны двое», «Храм Согласия», «Прощёное воскресенье» и «Ave Maria», охватывают значительный временной отрезок: с начала XX столетия до нулевых годов XXI века.

Сквозной сюжетной линией эпопеи (или цикла романов) является история расколота социально-историческими потрясениями начала XX века семьи Мерзловских, являющейся символом самой России. Главная героиня эпопеи, юная дочь вице-адмирала императорского флота, градоначальника города Николаева, убитого «товарищами» в 1919 году, Мария Мерзловская покидает Россию в ноябре 1920 года. А её мама, графиня Анна Карповна Мерзловская, урождённая Ланге, и сестрица Сашенька, во время посадки на пирсе Северной бухты Севастополя на корабль последней эскадры Российского Императорского флота отеснённые обезумевшей, брошенной на произвол судьбы толпой и разлучённые с Машенькой, вынуждены были остаться в России. Эпопея построена так, что главу о Марии Мерзловской сменяет глава о Сашеньке и Анне Карповне.

«Сопряжение жизни в Советском Союзе с жизнью за её пределами создаёт многомерную, хронотопическую, художественно-уникальную вселенную эпопеи» (Павлов, 2018: 168). Находясь в разных странах, члены одной семьи оказываются сопричастными судьбе мира. События, нашедшие отражение в эпопее «Весна в Карфагене», происходящие в царской и постсоветской России, СССР, Тунисе, Франции, Чехии, Германии, Португалии и других странах, способствуют сближению человеческих судеб, исторического времени и вечности, которой навсегда принадлежат имена ушедших (например, А.С. Пушкина). «Хронологическому масштабу эпопеи соответствует и количество героев – 337» (Павлов, 2018: 165), среди которых – немало исторических лиц, в частности: П.Н. Врангель, Ш. де Голль, К.К. Рокоссовский, Э. Роммель, А.Ф. Петен, митрополит Лавр, И.А. Бунин, И.И. Сикорский, Коко Шанель, Д.С. Мережковский, А.А. Брусилов, З.Н. Гиппиус.

Стремясь – в лучших традициях русской классики – к максимальной объективности, В.В. Михальский особое место отводит сноскам, глубоким по содержанию, превращающим эпопею в учебник истории XX века, а само чтение – в погружение в историческое пространство.

Особое место в эпопее занимают инварианты архетипа Дома, который становится опорой для человека и общества, в первую очередь, в самые тревожные периоды жизни.

Дом-семья – один из ключевых инвариантов архетипа Дома, воплощённый в образах членов семьи, её истории, духовных и материальных приметах её существования. Движимая памятью о семье родителей, её традициях, Машенька, Мария, а потом и Мария Александровна всегда будет тщетно мечтать о подобном Доме.

Выбравшись из чрева многотысячной обезумевшей толпы, чудом спасаясь от большевиков Машенька, для которой на некоторое время Домом стала семья адмирала дяди Паши, друга отца, и превратившийся в Ноев ковчег (*Дом-корабль*) линкор «Генерал Алексеев», увезла с собой из горящего Севастополя рукопись истории Черноморского флота, написанную братом Евгением, погибшим в Первую мировую войну, в морском бою 5 ноября по ст. ст. 1914 года, а также семейные фотографии и свой маленький дневничок, где – детские впечатления юной наследницы крепкой и счастливой семьи, в частности о том, как ездили к Церкви Покрова-на-Нерли («Мама, тетя Поля, Папа, дядя Костя пели песни...» (Михальский (1), 2015: 68). Семейные фотографии – эта визуализированная история – драгоценность, которую бережет на чужбине Машенька как хранительница истории семьи, безжалостно разрушенной стихией революции. Навсегда связанная с родной семьёй, с историей предков, Машенька («Папина дочка» (Михальский (1), 2015: 48)), даже во имя собственного благополучия, безбедного существования, наконец, спасения, не сможет отречься от прошлого, отказаться от собственного имени, от фамилии отца, от своего постоянного мысленного обращения к маме, от памяти о брате, погибшем за Отечество, от постоянных – длиной почти в целую жизнь на чужбине – поисков своих родных. Потому так дороги главной героине чудом пронесённые через все скитания фотоснимок, на котором – мама и прижимающаяся к ней крошечная Сашенька (вернее – только ручка сидящей на руках у мамы малышки), родившаяся уже после смерти отца, и более ранняя любительская семейная фотография, сделанная во время поездки к церкви Покрова-на-Нерли, где «мама, папа, тетя Полина, дядя Костя, Настя, Лиза и она, Маша, сидят на ковре, расстеленном у палатки, – и все в венках <...> все лица как живые, а на дальнем

плане – белокаменная церквушка» (Михальский (1), 2015: 70), которая вскоре позвала к обедне своими колоколами: «негромко, звонко, чисто» (Михальский (1), 2015: 72).

В отличие от старшей из сестёр Мерзловских, Сашенька, лишённая отцовской любви и заботы, сполна испытала материнскую любовь и ласку: «Ах, какие вкусные борщи варила мама! А вареники? С творогом, с вишнями, толчёной картошечкой, заправленной золотым жареным луком <...> у мамы <...> такая чистота во всём, такой порядок, что даже керосинка обычно не позволяла себе коптить, только пахла в углу почти приятно: вовремя подрезанным фитилём, керосином...» (Михальский (1), 2015: 23). «Чистота и порядок в доме были оплотом <...> жизни» (Михальский (1), 2015: 98) матери. И эта исключительная физическая чистота (даже, казалось бы, в тяжелейших бытовых условиях (в несуразной пристройке к несуразной же кочегарке), где всегда поддерживались чистота, лад, порядок) была следствием духовной красоты и жертвенной любви матери, ревностно соблюдавшей чистоту дочери, и потому просившей у Сашеньки, уходящей на фронт, единственного – не пить спиртного, ведь это «дорога в бездну» (Михальский (3), 2015: 24). Уход на войну для Сашеньки, за всю свою жизнь до фронта никогда не расстававшейся с матерью даже на одни сутки, становится не столько тоской по Дому, его упорядоченному – пусть и скромному – быту, сколько, в первую очередь, тоской по Матери, по её великой любви и нежности, мудрой доброте и деликатности, по способности «управлять, как бы не управляя» (Михальский (3), 2015: 27), способности предвидеть и предостерегать.

Неизбывная тоска по дому, уюту, гармонии объясняет и отношение Сашеньки к грузовичку с брезентовым зелёным тентом, который для неё, старшей операционной сестры, и её молодого супруга, главного хирурга полевого госпиталя Адама Домбровского, станет пусть и ненадолго родным домом, как и травяной уголок, полный запахов бабьего лета, благословенное место близости влюблённых в страшное время войны.

Дом-город – ещё один оплот упорядоченной, размеренной, счастливой жизни. Для дочери вице-адмирала Марии Мерзловской таким городом стал наяву, а затем и в воспоминаниях не Санкт-Петербург с холодным блеском Невы, а Севастополь, город чистый, белый, «торжественный, как Андреевский флаг» (Михальский (1), 2015: 11), где синее море, белые шляпки и платье, белые кители, загорелые чистые лица, белые, раскалённые на солнце камни, белые глицинии, быющие сухим (белым (!)) звуком склянки, духовой оркестр на набережной, ощущение «всеобщей чистоты и свободы»; «Божественный порядок во всём. И в житейских мелочах, и в общем движении жизни, и в движениях души» (Михальский (1), 2015: 11).

Для открывшей для себя десятки городов и стран Марии (Марии Александровны) Севастополь так и остался воплощением счастья, покоя, полной защищённости. И никакой другой город, даже приютившая скитальцев, изгнанных из большевистской России, белоснежная Бизерта (в переводе с финикийского «пристанище», «прибежище»), пусть и с приморским бульваром, и с синим морем, заменить Севастополь счастливого, мирного времени не сможет.

Сашеньке, младшей сестре, суждено увидеть другой Севастополь. 9 мая 1944 года в составе штурмового батальона морской пехоты она, когда-то вынесенная матерью на окоченевших руках из горящего Севастополя, будет участвовать в штурме некогда белого города, зияющего «серыми развалинами и языками чёрной копоти на стенах» (Михальский (2), 2015: 46), но оставшегося непокорённым «велики<м> город<ом> русской славы» (Михальский (2), 2015: 46–47). А символами освобождения города и возвращения в него жизни становятся гробы (знаки последнего пристанища), сделанные для немецких солдат и офицеров и использованные частями Вооружённых сил СССР для неожиданного для противника овладения пирсом Северной бухты.

Дом-культура. Какие бы тяжкие испытания ни выпали на долю сестёр Мерзловских и их матери, надёжным спасением на фоне многочисленных опасностей трагического времени, выветривания благородства и порядочности, на фоне царства ожесточения и одичания остаётся культура, даже тогда, когда, казалось бы, попрано всё. Культура управляет героинями и теми, кто входит в число их близких; хотя однажды и в сознании одной из героинь возникает вопрос: «Почему-то ни Лев Толстой, ни Чехов (Достоевский, правда, намекал), ни другие наши власти дум не сказали народу, что культура и цивилизация – всего лишь слой папиросной бумаги над смрадной и ненасытной бездной, над тьмой и жутью» (Михальский (1), 2015: 147–148). Но эта рождённая от безысходности, отчаяния мысль оттесняется самими судьбами героинь.

Оказавшаяся на чужбине, лишённая родных, казалось бы, навсегда, Мария Мерзловская – даже рядом с равнодушными и близкими (но всё-таки чужими по крови) людьми – пронзительно одинока, поэтому так неотступны мысли о далёкой России, оттого «прямо бы бросилась в волны и плыла, плыла, плыла» (Михальский (3), 2015: 281). Единственной отрадой становятся письма маме и сестричке, которые некуда отправить (в неизвестность), русские газеты, журналы и русская литература.

Для Марии Мерзловской, одной из многих тысяч лишённых родины изгнанников, отечественная литература становится ядром ценностного кода русскости, основой достойного самостояния на земле, истоком самоидентификации, движущим началом национальной воли. Поэтому юная графиня Мария в письме матери признаётся: «Если бы не русские стихи, не Пушкин, не Чехов, не Гоголь, не “Война и мир”, <...> то я и не знаю, мамочка, чем бы жила моя душа. Не могу я представить себя без русской литературы, без наших песен, без нашей большой музыки, – наверное, усохла бы моя душа» (Михальский (3), 2015: 278). И ревностно изучает, взрослея, открывая новые страницы своей жизни на чужбине, новую – советскую – литературу, которая «докатывается» до зарубежья.

Особое место в эпопее В. Михальского занимает язык как средство коммуникации, как (вместе с литературой) ядро культуры, «визитная карточка» человека, его происхождения, воспитания и образования, его культурный паспорт. В период исторических потрясений и язык оказывается жертвой обстоятельств: «как только в любой стране начинается смута, первым делом грязь и зараза проникают в язык народа, а уж потом в душу и тело» (Михальский (1), 2015: 148). Так, увы, тлетворный дух трагических перемен проникает и в сознание юных изгнанников: кадеты и гардемарины «заговорили вдруг на полублатном, полуматросском жаргоне одесских кабаков: вместо “дом” говорили “хаза”, вместо “поесть” – “пошамать”, вместо “украсть” – “стырить”; то и дело слышалось: “клёво”, “масть пошла” и т. д., и т. п.» (Михальский (1), 2015: 148).

Настоящим спасением для скрывающей от большевиков свой графский титул и блестящий русский язык Анны Карповны Мерзловской, урождённой Ланге, её «каменной стеной» (Михальский (1), 2015: 105) становится украинская мова (Даже дочь Сашенька долгие годы не знала ни о том, что мама великолепно говорит по-русски, ни о своём подлинном социальном происхождении). Но для дворничихи Нюры важно, чтобы её дочь получила достойное воспитание и образование. И потому в их пристройке к котельной в одном из московских дворов появилось чудо: «огромный деревянный ларь» набили сотнями книг из библиотеки, оставшихся после смерти одной старушки-профессорши и выброшенных на помойку (русская классика, десятки словарей, сотни переводных книг), которые «захватывали Сашеньку с первых страниц и не отпускали до последней точки» (Михальский (1), 2015: 30–31) и которые поглощала Сашенька до тех пор, пока не ушла на фронт. И когда Сашенька читала «не говорившей по-русски» матери (в действительности – графине Мерзловской), «её чуть раскосые тёмно-карие глаза сияли таким чистым, одухотворённым светом, и в эти минуты её бывало просто не узнать. Словно то был какой-то совершенно другой человек, а не безответная дворничиха Нюра» (Михальский (1), 2015: 31–32), неграмотная обладательница фамилии Галушко.

Литературный код, унаследованный Сашенькой, становится важнейшим условием сближения с Адамом, знаком сопричастности их семей к традиционным ценностям отечественной культуры. Цитаты и аллюзии становятся не только намёками на сопричастность к культуре интеллигенции, но и символами свободы мысли и радости созидательного бытия.

Измеряет свою жизнь, радостные и печальные события в ней, литературными ассоциациями и Машенька, для которой «русский язык, русская литература – <...> дом родной» (Михальский (1), 2015: 41). Уже в самом начале своего изгнанничества на юте корабля – Ноева ковчега, уносящего Машеньку от мамы и Сашеньки, ставшего частью «исхода в неизвестность» (Михальский (1), 2015: 52), Машенька с Колей «наткнулись на огромную кучу книг. Под ногами валялись собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Чехова, Достоевского, Льва Толстого, сотни других превосходных русских книг» (Михальский (1), 2015: 49), которые стараниями Машеньки и всех неравнодушных её спутников были энергично разобраны.

Всю свою долгую жизнь на чужбине Машенька (Мария, Мария Александровна) Мерзловская следила за эмигрантской литературой; хранила воспоминания о любви к книгам, всегда царившей в их семье, населённой «людьми Чехова»; верила в целебную силу стихов: «Мама, Анна Карповна, говорила, что знание стихов не только облагораживает душу, развивает память, но и укрепляет здоровье. У них в семье было принято учить стихи...» (Михальский (1), 2015: 35). Сотни стихов Машенька (Мария, Мария Александровна) Мерзловская держала в памяти, в первую очередь, прибегая к спасительным стихам А.С. Пушкина, где «была разлита та самая непостижимая гармония, которая смиряла боль, уносила плохое настроение, даже налаживала ритм сердцебиения» (Михальский (1), 2015: 37). Гений Пушкина становится надёжным прибежищем от скорбей, и утешением, и надеждой. И потому в сознании изгнанников пророчески звучат пушкинские строки:

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России

(Михальский (1), 2015: 65).

Именно литература, как воздух, подпитывала духовные идеалы дворянско-интеллигентских, офицерских кругов; как полагает Машенька, «не зря самые любимые читателями, и в особенности читательницами, герои русских классиков – военные: Пётр Гринёв из “Капитанской дочки”, Григорий Печорин из “Героя нашего времени”, Андрей Болконский из “Войны и мира”... Даже штатский Чехов и тот не обошёл военных своим вниманием <...>» (Михальский (1), 2015: 223). И, указывая на этот особый мир благородства, доблести и чести, ревностно сохраняемый русским офицерством, носителями духовной культуры России (в первую очередь, литературы, её духовных идеалов), главная героиня объясняет национальную катастрофу тем, что они (русские офицеры) «не умели подличать <...> не смогли противостоять тем потокам лжи, вероломства, бесчестья и изуверской низости, что обрушили на них новые захватчики России»; «не поверили, что в народе вдруг объявится столько способных к палачеству» (Михальский (1), 2015: 223) (Эти взгляды М. Мерзловской близки оценкам, которые давали офицерству в период революции и Гражданской войны И. Бунин (духовный лидер эмиграции первой волны, представленный и в эпопее В. Михальского), Н. Туроверов, М. Булгаков, М. Цветаева и др.).

Не менее значимым основанием Дома-культуры в эпопее В. Михальского «Весна в Карфагене» является культура музыкальная. Для сестёр Мерзловских музыка, пение (романсы, которые и Машенька, и Сашенька – каждая в свою пору – пели с мамой, украинские песни, которые Машенька пела с рыженькой горничной Анечкой, русские песни, исполнявшиеся с нянюшкой Клавой) – это не только возможность оказаться в благословенном прошлом (таковы, в частности, воспоминания Машеньки о пении няни Клавы в хлебном поле; воспоминания Сашеньки о маминном пении), но и отрешиться от настоящего, иносказательно выразить отношение к человеку, ощутить духовное родство с ним, неподдельную радость от сладкозвучной народной песни, от общего – рождающегося в результате удивительного сплава слов и мелодии – тепла (Михальский (1), 2015: 43). Так, подлинное счастье юная Сашенька испытывает в их с мамой скромной пристройке с окном под потолком, где можно, забравшись с ногами на старый диван, доставшийся с помойки, петь широко, как поют Сашенька и Анна Карповна украинские народные песни: «широко, на два голоса <...> забывая обо всём на свете: о котельной за стеной <...> об их большом московском дворе, с его то и дело хлопающими дверями подъездов, о холодном осеннем дождике, что хлещет в потолочное окно...» (Михальский (1), 2015: 43).

Музыкальная стихия становится способом выражения широты души, ценностных предпочтений исполнителей, подлинно родовых уз и национального духа. Потому даже на чужбине Машенька не теряет любви не только к стихам, литературе, но и к музыке, русским и украинским народным песням («всё это у неё в крови, было, что называется, родовое» (Михальский (1), 2015: 38), хотя она могла петь и по-французски, и по-итальянски, с уважением относясь к разным народам и их культурам).

Дом-храм. Самые пронзительные мгновения жизни сестёр Мерзловских, их матери, других героев эпопеи связаны с верой, со спасением души. В храм приходят разными путями не только героини, которые волею Божией должны встретиться; но и их современники. Так, фронтовой опыт Сашеньки даёт основание утверждать, что «там, где свистят пули, падают бомбы, рвутся снаряды, практически не остаётся неверующих» (Михальский (2), 2015: 128).

Анна Карповна, прожившая долгую и очень трудную (с голодом, холодом, унижением) жизнь, тем не менее, не ропщет, благодаря Бога, ведь «ни одного низкого поступка не было за её душой: не предавала, не убивала, не мучила, не доносила, не наговаривала, не сталкивала людей лбами!» (Михальский (4), 2015: 38), оставаясь хранительницей дома, семьи, исполненной жертвенной любви и готовой к самопожертвованию.

Последним приютом для престарелой, прожившей почти век Марии Александровны Мерзловской, подводящей итоги своей жизни, беседуя с Пушкиным, ожидая самой главной встречи своей жизни, станет Храм Воскресения Христова в Тунисе, стоящий на красной горячей земле, так похожий на церковь Покрова-на-Нерли из далёкого, счастливого детства.

Дом-родина. Для лишённых родины изгнанников её образ, превращающийся в образ общего Дома (как в рассказе И.А. Бунина «Косцы»), священен, как и память о потерянных родных, о тех временах, что не вернуться уже никогда. Для прожившей на чужбине большую часть непрстой жизни графини Марии Мерзловской родина – это и домашние праздники, и голубые васильки среди бескрайнего поля «нежной пшеницы восковой спелости» (Михальский (2), 2015: 121), и поездка к храму Покрова-на-Нерли, «наше<му> русско<му> чуд<у>!» (Михальский (1), 2015: 70), и наставления няни («Не топчи хлеб! <...> Не топчи – грех» (Михальский (2), 2015: 123)), и заветы никогда не верить тем, кто скажет, «что мы, русские, тёмный и грубый народ!» (Михальский (1), 2015: 70), и благодать мира, прелесть во всём, благоденствие, которое, как казалось, «будет вечным» (Михальский (1), 2015: 70), и «чувство незыблемости окружающего мира, чувство полной

защищённости» (Михальский (1), 2015: 66), и страшный лес сотен поднимавшихся по серому косягу в серое небо шеренга за шеренгой одинаковых, «сваренных из кусков железных труб православных крестов, выкрашенных <...> ядовито-ультрамариновой краской» в Бьянкуре, «с чёрными номерами на поперечных перекладинах вместо имён и фамилий» (Михальский (3), 2015: 317), и многообразная помощь соотечественникам и всем, кто нуждался в поддержке (и кто благодаря этой помощи открывал для себя загадочную Россию), и то, что она делала и для спасения далёкого своего Отечества в годы войны, действуя в одиночку, не принадлежа ни к каким партиям, и для увековечивания памяти таких же, как она, русских изгнанников.

Патриотически воспитана и Сашенька. Лишившись всего (мужа, семьи, сына, старшей дочери, титула, прежнего благополучия), выживая подчас в нечеловеческих условиях, Анна Карповна воспитала младшую дочь в лучших традициях своей семьи и Отечества, поэтому вполне естественно воспринимает мать решение дочери и уход Сашеньки на фронт: «У нас ведь род армейский да флотский» (Михальский (3), 2015: 24). И в многовековых традициях России, её истории и культуры, звучит ответ офицерской дочери, вдовы и матери, провожающей свою дочь на войну, на вопрос «А мы победим?» – «Непременно!» (Михальский (3), 2015: 24).

Эпопея (цикл романов) В.В. Михальского «Весна в Карфагене», посвящённая драматической судьбе тех, кто причастен к трагедии России XX века, к истории России начала XXI века, их дорогам, физическому бездомью, страданиям и свершениям, – объективное повествование о жизни избранных участников и свидетелей знаковых исторических событий, неотъемлемой составляющей которого является самобытное размышление о причудливой изменчивости и сопряжённости человеческих судеб, о традиционных, вневременных ценностях, порождённых самой историей Отечества, устремлениями многих поколений соотечественников, образующих «ядро» русского культурного кода, об истоках подлинно патриотического духа, служении высшим духовным приоритетам, готовности к самопожертвованию во имя своего народа и Родины. А уникальным способом выражения ценностных оснований бытия для тех, кто причастен к судьбе России (в том числе и для представляющих русских изгнанников первой волны), становятся разные инварианты архетипа Дома, противостоящие Бездомью, являющиеся основаниями России и Русского мира (Дом-семья, Дом-город, Дом-корабль, Дом-культура, Дом-храм, Дом-родина).

Дом-семья – один из ключевых инвариантов архетипа Дома в эпопее В.В. Михальского «Весна в Карфагене», воплощённый в образах членов семьи Мерзловских, поддерживающий Дом-храм, Дом-корабль, Дом-город, Дом-культуру, Дом-родину (Дом-Россию) (и находящийся в постоянном диалоге с ними!). Именно в образе Дома-семьи навсегда соединяются судьбы людей, история семьи, история народа и государства, память личная и историческая, культура и искусство, бытовое и бытийное, духовное и материальное, духовные идеалы и национальная воля, достоинства и достижения Отечества. Именно семья, священный союз любви, веры и свободы, «живой очаг» (Ильин, 2012), в любую из эпох остаётся благодатным, спасительным островом духовной жизни, радости и счастья, где вершится благороднейшее, важнейшее из дел на земле – воспитание человека. Семья, созданная отцом и матерью, дающая человеку от рождения, становится первичным лоном человеческой культуры, той благословенной, Богом данной колыбелью (великим даром свыше), в которой человек открывает мир и из которой выносит память о предках, святых и защитниках Отечества, способность трудиться и самосовершенствоваться, быть ответственным и доброжелательным, верить, думать, молиться на родном языке и любить, отстаивая устойчивую систему ценностей, впитанных в мире семьи, «всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа» (Ильин, 2012: 609). Именно поэтому Машенька Мерзловская (Мария, Мария Александровна), когда-то навсегда разлучённая с родными по крови людьми, прожившая на чужбине долгие годы, всегда тщетно мечтавшая о создании Дома-Семьи по образу и подобию родительского, но, увы, такой семьи не создавшая, остаётся верной духу семьи и рода, Дому своих родителей, где её научили любить и служить России, быть самостоятельной и отзывчивой в отношениях с людьми. Не утратив, а скорее развив чувство собственного духовного достоинства, Мария Мерзловская, являя соборный тип личности, творит в каждом из уголков мира, где бы ни оказалась, уголок своего Дома-родины, ценностными основаниями которого остаются божественный порядок, совесть, свобода, любовь, честь, родной язык, книги, литература, музыка, пение, то, из чего и вырастает русский дух, то, что вбирает «это простое и необъятное слово “Россия”» (Ильин, 2012).

Список источников:

- Ильин И.А. Путь духовного обновления. Минск, 2012. 927 с.
Михальский В. (1) Весна в Карфагене // Михальский В.В. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 4. М., 2015. 386 с.
Михальский В. (2) Для радости нужны двое // Михальский В.В. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 6. М., 2015. 289 с.
Михальский В. (3) Одиному везде пустыня // Михальский В.В. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 5. М., 2015. 324 с.

Михальский В. (4) Ave Maria // Михальский В.В. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 9. М., 2015. 463 с.
Павлов Ю.М. Вацлав Михальский. Свет любви. М., 2018.

References:

- Ilyin, I.A. (2012) Put' dukhovnogo obnoveniya [The path of spiritual renewal]. Minsk.
Michalsky, V. (1) (2015) Vesna v Karfagene [Spring in Carthage]. In: Michalsky, V.V. Sobraniye sochineniy : V 10 t. T. 4. [Collected works: In 10 volumes. Vol. 4]. Moscow.
Michalsky, V. (2) (2015) Dlya radosti nuzhny dvoye [It takes two to be happy]. In: Michalsky, V.V. Sobraniye sochineniy : V 10 t. T. 6 [Collected works: In 10 volumes. Vol. 6]. Moscow.
Mikhalsky, V. (3) (2015) Odinokomu vezde pustynya [The lonely everywhere like in the the desert]. In: Mikhalsky, V.V. Sobraniye sochineniy : V 10 t. T. 5 [Collected works: In 10 volumes. Vol. 5]. Moscow.
Michalsky, V. (4) (2015) Ave Maria. In: Michalsky, V.V. Sobraniye sochineniy: V 10 t. T. 9 [Collected works: In 10 volumes. Vol. 9]. Moscow.
Pavlov, Yu.M. (2018) Vatslav Mikhal'skiy. Svet lyubvi [Vaclav Michalsky. Light of love]. Moscow.

Информация об авторах

М.А. Кулабухова – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=360055.

В.П. Римский – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=643602.

Д.А. Кулабухов – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=554434.

Information about the authors

M.A. Kulabukhova – PhD, Associate Professor, Philosophy, Cultural Studies and Science Department, Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=360055.

V.P. Rimsky – D.Phil., Professor, Philosophy, Cultural Studies and Science Department, member of the Union of Writers of Russia, Belgorod State University of Arts and Culture, Belgorod, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=643602.

D.A. Kulabukhov – PhD, Associate Professor, Social Work Department, Belgorod State University, Belgorod, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=554434.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 12.04.2022.